

Вероятный вывод судебной лингвистической экспертизы и его оценка правоприменителем

Н. П. Папоян

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
пр. Ленина, 76, 454080, Челябинск, Россия. E-mail: natalia@papoyan.net*

Статья посвящена исследованию возможности использования вероятных выводов судебной лингвистической экспертизы в процессе доказывания. Проблема допустимости заключения эксперта с вероятным выводом является актуальной и имеет два возможных решения, ни одно из которых не закреплено в законодательстве. Автором проводится сравнительный анализ терминов «вероятный» и «вероятностный» вывод эксперта. Предлагается использовать термин «вероятностный вывод» для экспертиз естественно-научной направленности, а именно в тех случаях, когда возможна количественная оценка вероятности того или иного события. Термин «вероятный вывод» целесообразно использовать в судебных экспертизах гуманитарного профиля. Указывается, что вероятный вывод эксперта должен быть обоснован в исследовательской части заключения. Проанализированы основания, по которым эксперт-лингвист дает вероятный вывод. Оценивая заключения судебной лингвистической экспертизы с вероятным выводом, правоприменитель не должен автоматически считать данное доказательство недопустимым. Необходимо изучить исследовательскую часть заключения эксперта, выявить причины невозможности дать ответ в категорической форме, а также сопоставить вывод эксперта с другими доказательствами по делу.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, вероятный вывод, оценка заключения эксперта, уголовный процесс.

Forensic Linguistic Expertise: Evaluation of Probable Conclusion

N. P. Papoyan

*South Ural State University
76 Lenin Av., 454080, Chelyabinsk, Russia. E-mail: natalia@papoyan.net*

The article concentrates on the possibility of using probable conclusions of forensic linguistic expertise in the process of proving. The problem of the admissibility of the expert's report with a probable conclusion is of topical character and has two possible solutions, neither of which is established in the legislation. The author makes a comparative analysis of the terms "probable" and "probabilistic" expert conclusion. It is suggested that the term 'probabilistic conclusion' should be used for expert testimony in regards to natural science and technology, i.e. in cases where a quantitative assessment of the probability of this or that event is possible. The term "probable conclusion" is appropriate for forensic studies in regards to humanities. It is indicated that the expert's probable conclusion should be substantiated in the research part of the expert report. The grounds on which the linguistic expert reaches a probable conclusion are analyzed. When assessing a forensic linguistic expert report with a probable conclusion, the law enforcement agency should not automatically consider this evidence inadmissible. The reasoning part of the expert's report should be examined, the grounds for the impossibility of giving a categorical answer should be identified, and the expert's conclusion should be compared with other evidences in the case.

Key words: forensic linguistic examination, probable conclusion, evaluation of expert opinion, criminal procedure.

Практически ни одно расследование уголовного дела не обходится без использования специальных знаний в форме судебной экспертизы. Существует также фактическая презумпция истинности заключения эксперта, поскольку заключению эксперта изначально доверяют больше, чем иным видам доказательств, что подтверждается опросом судей (1184 чел.), проведенном в 2014 году [Никитина, Ходжаева, Серебренников 2024: 6]. Впрочем, в вопросах использования заключения эксперта в процессе доказывания остаются определенные сложности. Одной из них является вопрос оценки и использования заключения эксперта с вероятными выводами. Также следует учитывать

общую тенденцию правоприменительной системы, которая отражена в указанном выше отчете: «доверие к разным видам экспертизы может различаться. Например, в последнее время имеются проблемы, связанные с противоречиями в экспертизах по делам экстремистской направленности и по религиозными вопросам. В адрес некоторых экспертов, выполняющих экспертизу, было высказано много критики и исследователями, и их коллегами экспертами. Лингвистическая и религиоведческая экспертизы представляются обывателям полными субъективных представлений экспертов» [Никитина, Ходжаева, Серебренников 2024: 6].

На практике вероятные заключения экспертов-лингвистов довольно редки, тем не менее в условиях, когда судебная лингвистическая экспертиза назначена с целью установления наличия либо отсутствия каких-либо речевых правонарушений, и, как следствие, играет решающую роль в доказывании по делу, проблема оценки вероятного заключения требует своего практического разрешения.

Нормативно-правовые акты не дают определения термину «вывод эксперта». В традиционном понимании вывод эксперта – это краткий, точно сформулированный, не допускающий неоднозначного толкования ответ эксперта на поставленный вопрос [Россинская, Зинин, Милосердова 2023: 177]. Отсутствует законодательное закрепление классификации выводов. В уголовном процессе выводы эксперта, сделанные по результатам проведенного исследования, могут быть вероятными, категорическими, или в выводах указывается, что провести исследование и ответить на поставленные вопросы не представилось возможным.

Вопросы, которые не урегулированы законодательно или урегулированы в недостаточной степени, вызывают наиболее ожесточенные научные дискуссии. Многолетний спор о допустимости и недопустимости вероятного заключения эксперта как судебного доказательства может быть разрешен только с помощью регулирования на уровне процессуального закона. Так, с одной стороны, ученые-процессуалисты вслед за постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 года № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» считают, что заключение эксперта с вероятными выводами не может лежать в основе приговора суда. С другой стороны, в ныне действующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» данное положение отсутствует. В современной отечественной судебной практике заключения экспертов с вероятными выводами используются в процессе доказывания. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 15 мая 2012 года № 70-О12-5сп указано: «То обстоятельство, что выводы экспертов носят вероятностный характер, само по себе не свидетельствует о том, что их заключения являются недопустимыми доказательствами».

К тому же анализ зарубежной судебно-следственной практики показывает, что в других странах в заключении эксперта допустимы только вероятностные выводы и недопустимы категорические; что экспертное исследование в большинстве случаев не позволяет прийти к абсолютному выводу [Лубин 2019: 139]. Того же мнения придерживается И. В. Овсянников: «Положительные идентификационные выводы по своей логической природе являются сугубо вероятными» [Овсянников 2001: 187]. Согласимся с позицией Конституционного суда, изложенной в Определении Конституционного суда от 21 октября 2008 года № 566-О-О, о том, что «требование о недопустимости основывать обвинительный приговор на предположениях, не тождественно запрету на использование в процессе доказывания отдельных доказательств, имеющих вероятностный характер».

Считаем важным рассмотреть соотношение понятий «вероятный», «вероятностный» и «достоверный». Вероятность – численная характеристика возможности появления некоторого определенного события в цепи событий, могущих повторяться неограниченное число раз [Мантуров, Солнцев, Сорокин, Федин 1965: 48]. «Вероятность равна отношению числа случаев, «благоприятствующих» данному событию, к общему числу «равновозможных» случаев» [Виноградов 1977: 655]. Во многих видах экспертиз преобладают методы анализа количественно-качественных показателей. К тому же в современной судебной экспертологии активно рассматриваются варианты оценки признаков с помощью метода Байесовских сетей и модели аргументации Тулмина [Нефедов 2015, 2017].

Статья 8 ФЗ-73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» указывает, что «заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных». Достоверность, в свою очередь, – это априорное убеждение в осуществимости некоторого явления, исключающее всякое сомнение. Достоверность характеризует реализуемость некоторого события, отмечая его наивысшим значением вероятности [Виноградов 1977: 1012]. Согласимся, что данный вариант определения количественных показателей достоверности вывода доступен для многих родов экспертиз естественно-научной направленности. В таком случае формулировка вывода эксперта по схеме «Имело место событие X с вероятностью Y%» представляется наиболее объективным вариантом. Если взять экспертную практику, то, например, в технической экспертизе документов при установлении последовательности нанесения реквизитов документов по пересекающимся штрихам вероятный вывод дается более чем в 50% [Шведова, Баринаева 2013: 8]. Использование численного показателя достоверности способствовало бы более эффективному использованию заключения эксперта в процессе доказывания.

В различных методиках производства судебных экспертиз в выводах эксперта рекомендуется использовать лексику «вероятно», но следует отметить отсутствие единообразия формулировок вывода эксперта, единообразия классификации выводов: предположительный (вероятный) положительный и отрицательный в судебной баллистической экспертизе; вероятный (предположительный) вывод о тождестве в судебной дактилоскопической экспертизе; вероятный положительный и вероятный отрицательный, альтернативный в судебной технико-криминалистической экспертизе документов [Дильдин 2010].

При переходе на использование количественной оценки достоверности, пожалуй, следует вывод называть «вероятностным» – основанным на вероятности возникновения того или иного события, в отличие от вывода

«вероятного» – возможного, не имеющего в своем обосновании численных показателей.

Целесообразность данного предложения можно наглядно продемонстрировать на следующем примере. Для сравнения приведем две формулировки: «данные повреждения могли быть следствием использования хирургом электрокоагулятора» и «имеющиеся повреждения характерны для ожогов электрокоагулятором, наиболее вероятно, что появление ожогов было связано с погрешностью в хирургической технике (с вероятностью более 70% при проведении экспериментального подтверждения опытным путем на культуре мышечной ткани *in vitro*)». Первая (вероятная) формулировка менее убедительна, чем вторая (вероятностная) [Заключение эксперта... URL].

Вероятный вывод целесообразно использовать в гуманитарных видах экспертиз, где большее значение приобретает стандартизация вербальных формулировок выводов эксперта. Тем более что на практике судьи и следователи в основном работают с вербальной информацией, для них предпочтительны словесные выводы эксперта.

Необходимость формулирования вывода в вероятной форме обусловлена несколькими причинами. Во-первых, основанием такого вывода может стать невозможность достижения полного знания по объективным причинам, которая заключается в наличии недостаточного объема признаков объекта исследования (например, крайне малая длительность аудиозаписи в фоноскопической экспертизе), недостаточный объем образцов для сравнительного исследования (например, неполно отобраны экспериментальные образцы почерка для почерковедческой экспертизы). Во-вторых, вероятный вывод представляет собой обоснованное предположение, гипотезу эксперта об устанавливаемом факте и обычно отражает неполную внутреннюю психологическую убежденность в достоверности аргументов. Формирование внутреннего убеждения эксперта – сложный познавательный и психологический процесс. Как следует из результатов интервьюирования судебных экспертов, которые давали заключения с вероятными выводами, на формирование внутреннего убеждения повлияла информация из представленных дополнительных материалов уголовного дела [Лазарева 2021: 156].

Важность указанного аспекта в производстве судебной лингвистической экспертизы имеет глобальный социальный и даже политический контекст. Судебные эксперты, участвующие в рассмотрении дел, связанных с религиозными меньшинствами, несут ответственность за поддержание целостности системы. Они должны высказывать объективные и непредвзятые суждения, даже если они могут противоречить общественным взглядам, в том числе и судебным органам. В то же время эксперты могут разделять популярные взгляды и сотрудничать с политически влиятельными группами, что может поставить под сомнение их способность обеспечивать справедливое правосудие для религиозных меньшинств [Shterin Dubrovsky 2019]. Судебный эксперт в любом деле должен быть беспристрастным, но это не отменяет влияние человеческого фактора. Тогда именно дача вывода в вероятной форме может стать компромиссом между психологической установкой, мировоззрением самого эксперта и фактическими обстоятельствами. Еще раз повторим, что такая ситуация недопустима в уголовном судопроизводстве, но, к сожалению, возможна.

На формирование внутреннего убеждения эксперта влияет степень компетентности эксперта. Л. В. Лазарева и С. В. Покровский, анализируя судебную статистику, отмечают, что «не единичны случаи, когда сформулированный неопытным экспертом вероятный вывод в его первом в практике заключении опровергается выводами повторной экспертизы, порученной опытному эксперту, результаты которой заканчиваются формированием категорических суждений о фактах. Еще печальнее, когда выводы повторных экспертиз в конечном итоге подтверждаются совокупностью других доказательств, собранных по уголовному делу» [Лазарева, Покровский 2021: 156]. Внутреннее убеждение эксперта в необходимости дать ответ в вероятной форме базируется на двух вышеупомянутых факторах. Однако эксперт может прийти к вероятному выводу и в том случае, если он полностью уверен в невозможности достижения категорического вывода при текущем положении вещей, учитывая достижения теории, методики и эмпирических данных.

Третьей причиной дачи вероятного экспертного вывода ученые считают недостаточность методического обеспечения конкретного вида экспертизы, когда принятая научная теория (и базирующаяся на ней методика) не способна описывать какие-то конкретные факты. Такое часто случается при необходимости исследования нового объекта судебной экспертизы, например, методика производства судебной лингвистической экспертизы 2010 года [Дильдин 2010] не содержит указаний о том, как исследовать текстовые объекты поликодовой природы.

Если эксперт формулирует вывод в вероятной форме, то он должен его обосновать в исследовательской части заключения. Несмотря на кажущуюся предположительность и гипотетичность, в основу любого вывода ложатся только достоверно установленные данные.

Рассмотрим, каким образом строится обоснование вероятного вывода в судебной лингвистической экспертизе. Целесообразно структурировать данную информацию в соответствии с задачами лингвистической экспертизы: исследование денотативного, иллюкутивного, оценочного, экстралингвистического компонентов текста.

При исследовании денотативного компонента, а именно при выявлении значения (смысла) единиц различных уровней, на заключительной стадии осуществляется оценка результатов исследования и принятие решения. Если в результате проведенного исследования установлено, что объект понимается неоднозначно, то эксперт должен сделать вывод об этом и привести в формулировке вывода все возможные значения, реализуемые объектом. Эксперт в этом случае также может дать вероятный вывод при установлении экспертом наиболее вероятной реализации того или иного значения [Плотникова, Кузнецов, Саженин 2018: 105]. Может быть сделан вывод «о вероятном наличии в тексте интересующего следствие или суд предмета речи, например, в следующей формулировке «в данном тексте, вероятно, идет речь о купле-продаже наркотических средств»; «в данном тексте речь идет о купле-продаже, вероятно, наркотических средств».

При исследовании иллокутивного компонента текста вывод в вероятной форме дается в случае, например, нейтрализации речевого акта угрозы с помощью речевых произведений, которые соотносятся с безличной конструкцией «С вами может случиться что угодно». Очевидно, что данное содержание соотносимо как с угрозой, так и с предостережением. К тому же лингвистические факты иллокутивного порядка могут иметь лишь вероятностное значение для доказательства наличия/отсутствия умысла и его характера [Ярошук, Жукова, Долженко 2020: 15]. Вероятным может быть и вывод о наличии в тексте высказываний побудительного характера. Например, «речевая интенция высказывания «Мне тоже страшно, но я не могу не идти» может быть интерпретирована как выражение намерения, стремления автора участвовать в митинге и выразить свою политическую позицию. Императив «И вы не молчите» семантически коррелирует как с предшествующими высказываниями (свободу наваленому; свободу политзаключенным), так и с остальными высказываниями и поэтому может резюмировать макропропозицию всего текста (участие в митинге в поддержку А. Навального)» [Распопова 2022: 250]. Действительно, в указанном примере усматривается множественность интерпретации семантики призыва.

Исследование оценочного компонента текста обычно востребовано при выявлении речевого акта оскорбления. При решении данной задачи эксперт может столкнуться со следующей сложной экспертной ситуацией: исследуемому нецензурному слову необходима верная грамматическая квалификация. Неоднозначность сказанного возникает в случаях, когда говорящий прибегает к неконвенциональным приемам выражения смысла (окказионализмы, языковая игра, жаргонные слова и выражения, агнонимы). В этом случае эксперт пытается установить значение сказанного с опорой на коммуникативную ситуацию и контекст, что иногда позволяет сделать только вероятный вывод [Изотова, Кузнецов, Плотникова 2016: 66]. Классический пример такой ситуации приведен А. Н. Барановым в описании лингвистической экспертизы по делу Ф. Б. Киркорова. В контексте «И. Арьян (презрительно): А вы научитесь себя вести. Звезда! Ф. Киркоров (рифмуя): Да! Пизда!» речь идет о языковой игре, основанной на рифме со словом «звезда», при этом обмен репликами напоминает ситуацию «вялой перебранки» [Баранов 2007: 545]. Это тот случай, когда только говорящий может сам пояснить то, что он имел в виду, и вывод эксперта возможен только в вероятной форме.

Вопросы наличия в тексте высказываний, в которых получили свое речевое выражение факты действительности или положение дел, решаются с помощью исследования экстралингвистического компонента текста. Актуальным направлением данного исследования в настоящий момент является выявление маркеров фейка в медиатекстах. Лингвисты И. А. Стернин и А. М. Шестерина утверждают, что вывод по результатам анализа всегда будет иметь вероятностный характер. Эксперт высказывает лишь предположение о том, что текст может содержать недостоверную информацию, основываясь на анализе потенциальных признаков фейка, таких как языковые особенности, иллюстрации, содержание и структура текста [Стернин, Шестерина 2021: 8]. Проверка достоверности фактов, представленных в тексте, остается в компетенции суда и государственных органов. Кроме этого, экстралингвистический компонент текста исследуется в рамках решения вопросов о ролях и функциях участников разговоров. В этом случае вероятный вывод дается том случае, когда информации из предоставленного текста и материалов дела недостаточно для однозначного вывода (или информация из указанных источников противоречива).

Методика экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму, вероятный вывод предлагает давать в случае, если «контекст» достаточно полный, но он таков, что позволяет воспринимать сказанное различным образом (ср. избыточно компрессивные лозунги типа «Православие или смерть» – кому смерть?). Эксперт делает следующий вывод: «Автор использовал неоднозначные средства. Необходимое уточнение, снимающее неоднозначность, в тексте отсутствует. В результате оказывается выраженным и то значение, о котором идет речь в вопросе» [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2022: 241]. Заслуживает внимания тот факт, что неоднозначность может носить преднамеренный характер. Тогда лингвист, опираясь на общий уровень владения автором языковыми средствами и на жанр текста, в рамках экспертной инициативы указывает на данный факт.

Обобщая вышесказанное, следует указать, что при решении любой задачи судебной лингвистической экспертизы вероятный положительный вывод делается в случае, если лингвистические признаки того или иного компонента текста, выявленные в соответствии с предметом исследования, в большинстве своем проявились имплицитно и недостаточно речевого материала для их однозначной реконструкции [Дильдин 2010].

В контексте российского уголовно-процессуального законодательства не существует прямого указания на невозможность использования вероятностных заключений судебных экспертов в уголовном судопроизводстве для установления обстоятельств дела. При расследовании любого уголовного дела должен соблюдаться принцип свободы оценки доказательств, закрепленный в ст. 17 УПК РФ. Каждое доказательство, независимо от его содержания, оценивается с точки зрения относимости, допустимости, достоверности. Указанное положение учтено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» следующим образом: не указано, что категорическое заключение эксперта имеет большее доказательственное значение, чем вероятностное. Хотя вывод носит предположительный характер, его не следует игнорировать, поскольку степень вероятности и причины, которые привели к такому выводу, могут быть разными. Экспертная практика показывает, что вероятный вывод – это не только предположительное, но и обоснованное решение вопроса, которое дается при наличии достоверных, но недостаточных для категорического вывода оснований. Согласимся с позицией ученых А. В. Кудрявцевой, Н. П. Кирилловой, А. В. Кочемировского, Н. Г. Стойко, В. Д. Пристанкова, делающих вывод о том, что «вероятные выводы эксперта при их обосновании могут быть использованы в качестве косвенных доказательств. Вероятный вывод эксперта должен быть обоснован в исследовательской части и объяснен доступным языком для восприятия лицами, не обладающими специальными знаниями» [Кудрявцева, Кириллов, Кочемировский 2024: 10].

Нельзя игнорировать тот факт, что, если эксперт не может дать категоричный ответ на вопрос следователя или суда, его заключение остается неустранимым сомнением и не может использоваться как доказательство виновности обвиняемого, если он отрицает свою вину (действует принцип презумпции невиновности). Однако, если обвиняемый признает вину и не отрицает обстоятельства, установленные вероятным заключением эксперта, такое заключение, наряду с другими доказательствами, может быть использовано в доказывании и на него можно сослаться в обвинительном заключении и приговоре.

Это положение подтверждает А. Ф. Лубин, указывая, что «вероятностный вывод судебного эксперта – это лишь аргумент стороны уголовного процесса при доказывании утверждаемого элемента (тезиса, доказательственного факта), входящего в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ)» [Лубин 2019: 141]. Такое толкование показывает, что любое заключение эксперта, как и любое доказательство, не имеет доказательственной силы вне контекста системы доказательств. Это еще раз подтверждает, что вероятное заключение эксперта может быть использовано в качестве доказательства.

Принимая во внимание вышесказанное, считаем необходимым дать правоприменителям следующие рекомендации по оценке вероятного вывода эксперта-лингвиста. Наличие в формулировке вывода эксперта слова «вероятно» не делает заключение эксперта автоматически недостоверным или недопустимым. Следует изучить исследовательскую часть заключения эксперта и выявить причины невозможности дать ответ в категорической форме. Окончательную оценку заключению эксперта правоприменитель может сформировать с помощью предусмотренных законом действий: допросов экспертов и специалистов; назначения комплексных, повторных или дополнительных экспертиз; получения заключений и показаний специалистов. Этому также может способствовать изучение приведенной выше информации о вероятных выводах лингвистической экспертизы с разделением по задачам. Более подробный алгоритм оценки судебной лингвистической экспертизы представлен нами в ряде публикаций [Папоян 2023, 2022]. Обязательным шагом является сопоставление вероятных выводов эксперта с другими имеющимися в уголовном деле доказательствами. Только после этого принимается окончательное решение о приобщении заключения эксперта-лингвиста с вероятными выводами в качестве доказательства.

Использованные материалы:

Определение Верховного Суда РФ от 15.05.2012 № 70-О12-5сп. URL: <https://clck.ru/3DWDbH>

Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 566-О-О “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав положениями статей 14, 75, 302, 335, 336, 340 и 350 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1689274/>.

Литература

- Базылев В. Н. Проблема неопределенности в практике судебной лингвистической экспертизы (реферативный обзор) / Вестник Академии права и управления. – 2020. – № 1 (58). – С. 16-23.
- Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. теория и практика. М., 2007.
- Виноградов И. М. Математическая энциклопедия. М., 1977.
- Дильдин Ю. М. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. М., 2010.
- Заключение эксперта: категорическая и вероятностная формы. URL: <https://kriminalisty.ru/stati-conclusion/>
- Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по оскорблениям. Научно-информационное пособие для экспертов. М., 2016.
- Кудрявцева А. В., Кириллов Н. П., Кочемировский В. А. Оценка вероятностных выводов экспертов в уголовном процессе / Журнал Сибирского федерального университета. Серия. Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 4-11.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2022.
- Лазарева Л. В., Покровский С. В. К вопросу о доказательности экспертных выводов / Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 4 (125). – С. 152-158
- Лубин А. Ф. О допустимости вероятностных выводов экспертного заключения в уголовном судопроизводстве / Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 3(47). – С. 138-142.
- Мантуров О. В., Солнцев Ю. К., Сорокин Ю. И., Федин Н. Г. Толковый словарь математических терминов. М., 1965.
- Нефедов С. Н. Байесовский подход к оценке доказательств и стандартизация вербальных формулировок выводов эксперта / Проблемы укрепления законности и правопорядка. наука, практика, тенденции. – 2015. – № 8. – С. 187-195.
- Нефедов С. Н. Модель доказывания Тулмина и количественные показатели достоверности вывода / Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2017. – № 1(41). – С. 87-93.
- Никитина Д., Ходжаева Е., Серебренников Д. Как и кем творится судебная экспертиза. Эксперты в контексте межведомственных взаимодействий. Аналитические отчеты по проблемам правоприменения. СПб., 2024.
- Овсянников И. В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам. дис....канд. юрид.наук. 12.00.09, М., 2001.

- Папоян Н. П. Компетентность эксперта-лингвиста как критерий допустимости судебной лингвистической экспертизы / Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. 20 лет спустя». Материалы XIV Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24–25 июня 2022 года. – 2022. – С. 145-157.
- Папоян Н. Особенности оценки заключения судебной лингвистической экспертизы в уголовном судопроизводстве / Юрислингвистика. – 2023. – № 27(38). – С. 111-117.
- Папоян Н. П. Формальные признаки компетентности эксперта как критерий оценки судебной лингвистической экспертизы / Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. материалы IX Международной научно-практической конференции, Москва, 26–27 января 2023 года. – 2023. – С. 271-275.
- Плотникова А. М., Кузнецов В. О., Саженин И. И. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе. Методическое пособие. М., 2018.
- Распопова Т. А. Способы кодирования и декодирования речевых интенций при совершении вербальных правонарушений в интернет-коммуникации / Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы. социальные сети как объект научного и экспертного анализа. Сборник научных работ по итогам Международной научной конференции, Москва, 05–06 октября 2021 года. – М. – 2022. – С. 248-255.
- Россинская Е. Р., Зинин А. М., Милосердова Н. В. Основы судебной экспертизы. Учебник. М., 2023.
- Стернин И. А., Шестерина А. М. Маркеры фейка в медиатекстах. Пособие. Воронеж, 2021.
- Shterin M., Dubrovsky D. (признан Минюстом РФ СМИ-иноагентом) Academic Expertise and Anti-Extremism Litigation in Russia. Focusing on Minority Religions / The Soviet and Post-Soviet Review. – 2019. – № 46(2). P. 211-236. <https://doi.org/10.1163/18763324-04602006>
- Шведова Н. Н., Барина О. А. Криминалистическое исследование реквизитов документов, нанесенных современными материалами письма. Волгоград, 2013.
- Ярошук И. А., Жукова Н. А., Долженко Н. И. Лингвистическая экспертиза. Учебное пособие. Белгород, 2020.

References

- Bazylev, V. N. (2020). The problem of uncertainty in the practice of forensic linguistic expertise. Bulletin of the Academy of Law and Management, 1(58), 16-23 (In Russian).
- Baranov, A. N. (2007). Linguistic expertise of the text: theory and practice (In Russian).
- Dildin, Y. M. (2010). Typical expert methods of research of the evidences (In Russian).
- Expert Conclusion: Categorical and probable forms. Available from: <https://kriminalisty.ru/stati-conclusion/> (In Russian).
- Izotova, T. M., Kuznetsov, V. O., Plotnikova, A. M. (2016) Forensic linguistic expertise of offensive speech. Scientific and informational manual for experts (In Russian).
- Kudryavtseva, A. V., Kirillov, N. P., Kochemirovsky, V. A. (2024). Evaluation of probable conclusions of experts in the criminal process. Journal of Siberian Federal University, 1, 4-11 (In Russian).
- Kukushkina, O. V., Safonova, Y. A., Sekerazh, T. N. (2022) Methodology of complex forensic psychological and linguistic expertise in extremism and terrorism cases (In Russian).
- Lazareva, L. V., Pokrovskiy, S. V. (2021). The issue of the evidential value of expert conclusions. Actual problems of the Russian law, 4(125), 152-158 (In Russian).
- Lubin, A. F. (2019). On the admissibility of probabilistic conclusions in an expert report in criminal proceedings. Legal science and practice, 3(47), 138-142 (In Russian).
- Manturov, O. V., Solntsev, Yu. K., Sorokin, Y. I., Fedin, N. G. (1965). Explanatory dictionary of mathematical terms (In Russian).
- Nefedov, S. N. (2015). Bayesian approach of evaluating evidence and standardising the verbal formulation of expert conclusions. Problems of strengthening of legality and law and order, 8, 187-195 (In Russian).
- Nefedov, S. N. (2017). Toulmin's model of evidence and quantitative indicators of the reliability of the conclusion. Questions of criminology, criminalistics and forensic expertise, 1(41), 87-93 (In Russian).
- Nikitina, D., Khodjaeva, E., Serebrennikov, D. (2024). How and by whom forensic expertise is produced: experts in the context of interdepartmental interactions. Analytical reports on the problems of law enforcement (In Russian).
- Ovsyannikov, I. V. (2001). Category of probability in forensic expertise and evidence in criminal cases. Dissertation for the degree of Candidate of Sciences in Law. 12.00.09 (In Russian).
- Papoyan, N. P. (2022). Competence of the forensic linguist as a criterion for the admissibility of a forensic linguistic examination. Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference, 24-25 June 2022, 145-157 (In Russian).
- Papoyan, N. (2023) Peculiarities of the evaluation of the conclusion of forensic linguistic expertise in criminal proceedings. Legal Linguistics, 27(38), 111-117 (In Russian).
- Papoyan, N. P. (2023). Formal evidence of expert competence as a criterion for assessing forensic linguistic expertise. Theory and practice of forensic expertise in modern conditions. materials of IX International scientific-practical conference, 26-27 January 2023, 271-275 (In Russian).
- Plotnikova, A. M., Kuznetsov, V. O., Sazhenin, I. I. (2018). Semantic research in forensic linguistic expertise: Methodological manual (In Russian).
- Raspopova, T. A. (2021). Ways of encoding and decoding speech intentions when committing verbal offences in Internet communication. Fundamental linguistics and problems of forensic expertise, 05-06 October 2021, 248-255 (In Russian).
- Rossinskaya, E. R., Zinin, A. M., Miloserdova, N. V. (2023). Fundamentals of forensic expertise: Textbook (In Russian).

-
- Sternin, I. A., Shesterina, A. M. (2021). Fake markers in media texts: Textbook (In Russian).
- Shterin, M., Dubrovsky, D. (recognised by the Ministry of Justice of the Russian Federation as a media-foreign agent) Academic Expertise and Anti-Extremism Litigation in Russia. Focusing on Minority Religions. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 46(2), 211-236.
- Shvedova, N. N., Barinova, O. A. (2013). Forensic study of document requisites applied by modern writing materials (In Russian).
- Vinogradov, I. M. (1977). *Mathematical Encyclopaedia* (In Russian).
- Yaroshchuk, I. A., Zhukova, N. A., Dolzhenko, N. I. (2020) *Linguistic expertise: Study guide* (In Russian).
-

Citation:

Папоян Н. П. Вероятный вывод судебной лингвистической экспертизы и его оценка правоприменителем // Юрислингвистика. – 2025. – 35. – С. 91-97.

Papoyan N. P. (2025) Forensic Linguistic Expertise: Evaluation of Probable Conclusion. *Legal Linguistics*, 35, 91-97.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---